

ДМИТРИ САМАРСКИ

**СВЕТ
КОТОРЫЙ
ПОМНИТ
НАС**

Дмитри Самарски

Свет, который помнит нас

<https://litres.ru/74072234>

SelfPub; 2026

Аннотация

В 2089 году климатический коллапс угрожает человечеству. Ася и Надим совершают прорыв: записывают причинность в фотонах, превращая свет в «память о будущем». Их эксперимент неожиданно выявляет закономерности, будто мир заранее «подсказывает» решения для выживания.

Консорциум «Orpheus» хочет масштабировать технологию, чтобы предотвращать войны и управлять рынками. Но Ася видит в этом цензуру: альтернативные будущие делают статистически невозможными. Вместе с командой она создаёт протокол «Слепое солнце» — систему распределённого контроля над вмешательством в вероятности.

«Orpheus» уже внедряет свою версию технологии в глобальные сети синхронизации времени. Книга поднимает вопросы: что делать, если свобода — это разнообразие вероятностей, и кто вправе его сужать? «Свет, который помнит нас» — научная фантастика, где наука сталкивается с этикой, а будущее зависит от баланса между контролем и свободой.

Содержание

Глава 1. Шум в белом свете	4
Глава 2. Протокол «Люкс-память»	40
Глава 3. Дверь для тех, кто не верит в двери	91
Конец ознакомительного фрагмента.	127

Дмитри Самарски

Свет, который помнит нас

Глава 1. Шум в белом свете

Лаборатория была спрятана в месте, которое никто не назвал бы научным: в пристройке к старому водоочистному комплексу, где бетон пах железом и влажной известью. Из окна — ровная стена соседнего корпуса, и только в определённый час, когда солнце опускалось и отражалось в стекле напротив, на пол падал прямоугольник света, будто кто-то проверял точность геометрии мира.

Ася Климова любила этот прямоугольник. Он был честнее людей. Свет не обещал и не оправдывался. Он просто приходил — по законам, которые можно было понять, даже если они не нравились.

Сейчас прямоугольник был разрезан на полосы. На оптическом столе, тяжёлом как надгробие, лежали металлические держатели, в них — зеркала, полупрозрачные пластинки, линзы, фильтры. Красный луч лазера, видимый только из-за тонкой пыли, тянулся над столом ровной нитью, делал резкий поворот, затем ещё один — и исчезал в неприметном

чёрном кубике.

Ася прищурилась, будто могла взглядом выровнять то, что не поддавалось рукам.

— Давай, — сказала она не громче шёпота и, как всегда в такие минуты, обращалась не к прибору, а к чему-то глубже — к привычке материи быть предсказуемой.

На мониторе справа бежали строки: время, температура, напряжение, частоты срабатываний детекторов. Цифры были чистыми, аккуратными, но в них не было главного: не было стабильности.

Стабильность — это не когда всё неизменно. Стабильность — когда ты понимаешь, почему оно меняется.

— У тебя опять «плавает» совпадение? — спросил голос у двери.

Надим Рао вошёл так, словно боялся нарушить тишину своим телом. Он был высоким и худым, с лицом человека, который слишком много смотрит на кривые графиков и слишком редко — на людей. В руках он держал термокружку и планшет; от планшета пахло озоном — не по-настоящему, конечно, просто так казалось, как будто электричество все-

гда оставляет запах.

— Не совпадение, — отозвалась Ася, не отрываясь от экрана. — У меня «плавает» достоинство. Установка ведёт себя так, будто смеётся.

— Физика не смеётся.

— Физика — нет. А статистика... — она провела пальцем по стеклу монитора, задержалась на одном участке. — Смотри.

Надим подошёл ближе. На графике были две волнистые линии: частота одиночных срабатываний и частота совпадений — случаев, когда два детектора фиксируют событие почти одновременно. Для неспециалиста это выглядело как дрожащие ниточки. Для Аси это была биография эксперимента: где-то дрогнуло зеркало, где-то подсел источник питания, где-то воздух в помещении нагрелся на долю градуса и изменил показатель преломления.

Но дрожь здесь была не такой.

— Это... — Надим нахмурился. — Это периодика?

— Угу. Она не должна быть такой устойчивой. Я прогна-

ла контроль, поменяла порядок измерений, перезагрузила прошивку, поменяла оптоволокно на другой бухте. Паттерн остаётся.

— Может, ты подхватила помеху от сети?

— Мы на изолированном питании, — сухо ответила Ася.

— И в клетке Фарадея. Если это помеха, то она либо гениальна, либо мистическая.

Она сняла очки, протёрла их краем халата и снова надела. В этом движении была усталость, не драматическая, а бытовая: усталость от того, что мир иногда упрямее.

Надим сделал глоток из кружки.

— Я принёс тебе кое-что по моему фронту, — сказал он и поднял планшет. — Думаю, оно связано.

— Всё связано, если достаточно страдать, — пробормотала Ася.

Надим не улыбнулся. Он не был из тех, кто защищается шутками.

— Смотри, — он повернул экран. — Это пересчёт по ме-

тану. Резкий скачок. Не в смысле «ой, больше», а в смысле «не укладывается ни в один правдоподобный сценарий».

На экране были карты и графики. Цвета — от синего к красному — показывали концентрации. Красное пятно расплзлось, как ожог.

— Арктика? — спросила Ася.

— Не только. Есть ещё один источник, вероятно, техногенный, но он ведёт себя так, будто кто-то... — Надим запылся, подбирая слово, которое не звучало бы глупо. — ... будто кто-то управляет шумом.

Ася подняла взгляд.

— Управляет шумом? Это как?

— Ты же сама говоришь: статистика смеётся. А представь, что ты можешь чуть-чуть подталкивать вероятности. Не ломать причинность, не отправлять письма в прошлое. Просто... смещать то, что и так могло случиться.

Ася на секунду застыла. Её пальцы продолжали держать край стола, как держат поручень в вагоне, когда поезд слегка качнуло.

— Надим, — сказала она мягко, с тем тоном, которым говорят с человеком, стоящим слишком близко к краю крыши. — Если ты хочешь мне рассказать про «вселенную, которая шепчет», то я тебя люблю, но у меня дедлайн.

— Я хочу рассказать про модели, которые перестали быть честными, — ответил он. — У меня есть ощущение, что мы видим не просто климат. Мы видим вмешательство в вероятность решений.

— Вмешательство кем?

— Не знаю. — Он провёл пальцем по графику. — Но если в мире есть технология, способная делать редкие события чуть чаще, а частые — чуть реже, ты бы заметила это везде. В экономике, в политике, в погоде. И... — он кивнул на монитор установки, — ...в твоих совпадениях.

Ася опустила взгляд обратно на линии.

— У меня здесь не погода, — сказала она. — У меня фотонны.

— Именно.

Она вздохнула и наконец отодвинула стул, позволяя себе отвлечься. В лаборатории было несколько стульев — все одинаковые, дешёвые, но Ася называла их «свидетелями»: на них сидели люди, когда что-то начинало происходить. Если никто не сидел — казалось, что эксперимент не имел права на реальность.

— Хорошо, — сказала она. — Давай по порядку. Что ты хочешь от моих фотонов?

— Я хочу понять, можно ли... — Надим снова замялся. — Можно ли через твою штуку получать подсказки. Не от «вселенной». От будущих данных. От самой структуры времени в статистике.

Ася не любила, когда слово «время» произносили так, будто оно — вещество. Время было измерением, а измерения — это линейки, а линейки не шепчут.

— Я не делаю машину времени, — сказала она.

— Я знаю. — Надим поднял руки, будто сдаётся. — Но ты работаешь с запутанностью. А запутанность — это же... связь без провода.

Ася подошла к столу и поправила одно из зеркал на мик-

роугол — настолько маленький, что человеку без привычки показалось бы, будто она просто погладила металл.

— Запутанность — это корреляция, — сказала она, словно читала лекцию студентам. — Не связь. Представь две перчатки. Ты кладёшь их в два ящика, перемешиваешь и отправляешь в разные города. Открываешь один ящик — там левая перчатка. Ты мгновенно знаешь, что в другом ящике правая. Но ты ничего не отправляешь. Ты просто узнаёшь.

— Но в квантовом мире это вроде хитрее, — возразил Надим.

— Хитрее потому, что там перчатки не «левая» и «правая» заранее. — Ася поймала себя на том, что говорит быстрее — как всегда, когда пытается удержать разговор в пределах физики. — Они как бы... в суперпозиции. И только измерение выбирает, что ты увидишь. Но — и это важно — ты не можешь использовать это, чтобы передать сигнал быстрее света. Корреляции есть, а сообщения — нет.

Надим слушал внимательно. Он умел слушать. Это было редкое качество у людей, которые привыкли смотреть на мир через большие данные: они часто слушали только свои модели.

— А если не сигнал, — тихо спросил он, — а... смещение выбора?

Ася повернулась к нему.

— Смещение выбора — это уже философия.

— Или инженерия, — сказал Надим.

В этот момент дверь снова открылась, и в лабораторию вошла Мира Танака. Её появление всегда было как включение другого режима освещения: с ней в комнату входила логика протоколов, юридическая осторожность и тихая, почти музыкальная жёсткость.

— Я слышала слово «философия», — сказала она, ставя на стол тонкую папку. — Это обычно значит, что у вас заканчиваются доказательства.

— У нас заканчивается терпение, — поправила Ася.

Мира посмотрела на монитор.

— Опять повтор? — спросила она. — Такой же, как вчера?

— Такой же, — подтвердила Ася.

Мира кивнула, словно это не удивляло, а подтверждало её внутренний расчёт.

— Тогда давайте сделаем то, что вы оба ненавидите, — сказала она. — Превратим это в процедуру.

Надим нахмурился.

— В смысле?

— В смысле: если вы думаете, что видите невозможную корреляцию, вы должны построить эксперимент так, чтобы даже вы сами не могли ей «помочь». — Мира открыла папку. — Слепой протокол. Запечатанные параметры. Никаких «ой, я случайно посмотрела и подстроила». И никаких «внешний наблюдатель где-то в сети подсмотрел».

Ася взяла папку, пробежала глазами.

— Ты это ночью написала? — спросила она.

— Вечером. Ночью я спала, — ответила Мира. — Я тоже иногда в суперпозиции, но предпочитаю классические состояния.

Надим коротко выдохнул — почти смех.

— Хорошо, — сказала Ася. — Слепой протокол. Но это не объяснит, почему у меня паттерн.

— Не объяснит, — согласилась Мира. — Зато покажет, есть ли он на самом деле.

Ася вернула папку на стол. Внутри у неё шевельнулась злость — на приборы, на мир, на то, что всё опять упирается в то, что нельзя «просто увидеть». Наука была не про зрение. Наука была про то, чтобы заставить мир признаться через процедуры.

Она снова посмотрела на график. В волнистых линиях была странная уверенность — будто кто-то уже знал их форму заранее.

— Давайте ещё раз, — сказала она. — С нуля. Но перед этим... — она открыла лабораторный журнал на экране, пролистала записи и остановилась на вчерашней странице.

И увидела строку, которой не помнила.

Запись была короткой, без эмоций, в её собственном сти-

ле:

«Если поменять порядок измерений на обратный, совпадения стабилизируются. Не объяснять, пока не проверим слепым.»

Ася смотрела на строчку, как на чёрную нитку на белой рубашке. Нитка была настоящей, но она не могла вспомнить, когда зацепилась.

— Вы это видите? — спросила она.

Надим наклонился.

— Да, — сказал он. — Это ты писала?

— Я... — Ася почувствовала, как горло становится сухим. — Я не помню.

Мира подошла ближе, и её лицо стало очень спокойным — так спокойны бывают люди, которые не позволяют себе паники, потому что паника — тоже канал утечки.

— Логи доступа? — спросила она.

Ася быстро открыла список изменений.

— Последнее редактирование — вчера, 02:14. Локально. С этого компьютера. — Она подняла глаза. — Я была здесь до полуночи. Потом ушла.

— Камеры? — спросила Мира.

— Внутри — нет. У нас только на входе.

Мира молча открыла на планшете запись с камеры у двери. Тёмный коридор, рябь ночной компрессии. В 01:58 дверь открывается. Входит фигура в лабораторном халате. По походке — действительно Ася: чуть на носках, будто экономит звук. В 02:47 фигура выходит.

Ася смотрела на себя, как на чужого человека.

— Либо это я, — сказала она, — либо кто-то очень старался быть мной.

Надим проглотил слова. В его глазах было то, что у климатологов появляется редко — личный страх, не страх за мир, а страх за собственную реальность.

Мира выключила запись.

— У нас есть два варианта, — сказала она. — Первый: ты действительно вернулась и не помнишь. Тогда это медицинский вопрос. Второй: кто-то подделал запись, журнал и всё остальное. Тогда это вопрос безопасности такого уровня, который нам не по карману.

— И третий, — тихо сказал Надим.

Ася посмотрела на него.

— Третий — это то, что ты думаешь? — спросила она.

— Третий — что это не было «кто-то», — ответил Надим.

— А было... «когда-то». Ты. Но не ты-вчера. Ты-потом.

Слова повисли в воздухе, как пыль в луче лазера. Они звучали нелепо, но нелепость была не в словах — в том, что мир уже начал вести себя так, будто нелепость допустима.

Ася резко закрыла журнал.

— Хорошо, — сказала она и заставила голос стать твёрдым. — Тогда мы делаем слепой протокол. И делаем его так, чтобы никакое «потом» не могло подсказать мне «сейчас». Мы построим эксперимент, который не доверяет даже мне.

Мира кивнула, и в её кивке было что-то почти нежное: как будто она уважала Асино упрямство.

— Я подготовлю конверт, — сказала Мира. — Настоящий. Бумажный. С восковой печатью, если надо.

— С восковой, — неожиданно для себя сказала Ася. — И с подписью. И пусть Надим подпишет тоже.

Надим поднял брови.

— Я?

— Ты, — сказала Ася. — Если уж мы играем в честность, давайте играть по-взрослому.

Она снова повернулась к оптическому столу. Красная нить лазера казалась спокойной. Свет всегда казался спокойным. Он никогда не показывал, сколько внутри него скрыто возможностей.

Ася помнила свою первую лекцию по квантовой оптике: профессор нарисовал на доске волну и сказал, что в квантовом мире волна — это не вода, а вероятность. И тогда Ася впервые почувствовала, что слово «вероятность» — не про казино, а про структуру реальности.

Проблема была в том, что структура реальности сейчас будто бы читала её журнал.

— Запускаем ещё раз, — сказала она. — И записываем всё. Каждую мелочь.

— Каждую мелочь — это как раз то, чем мир потом тебя убьёт, — тихо сказал Надим, но в его тоне не было шутки.

Ася не ответила. Она нажала клавишу запуска, и установка ожила: щёлкнули реле, зажужжал охлаждающий блок, детекторы начали выдавать ритм, похожий на слабый дождь.

На экране снова появились линии. И снова — знакомый узор.

Будто кто-то уже знал, что она нажмёт именно эту клавишу.

(внутри главы 1) Лабораторная простота сложных вещей
Чтобы объяснить установку стороннему человеку, Ася обычно начинала с бытового:

— Представь, что у тебя есть фонарик, — говорила она студентам. — Он светит непрерывно. А теперь представь,

что вместо потока света у тебя есть отдельные «зерна» — фотоны. Мы можем делать так, что фотоны появляются парами, связанными между собой не проводом, а состоянием. И мы можем измерять их свойства так, что результаты окажутся взаимосвязаны сильнее, чем допускает любая классическая модель, где у каждого фотона заранее записан «ответ».

Это «сильнее» называлось не мистикой, а нарушением неравенств Белла. И оно давно было экспериментально подтверждено. Квантовый мир действительно позволял корреляции, которые классика не могла имитировать без скрытой связи.

Но — и это была граница — эти корреляции не позволяли передавать информацию быстрее света. Потому что каждый отдельный результат всё равно выглядел случайным. Ты мог получить «орёл» или «решку», но только сравнив свои записи с другим человеком, увидел бы, что ваши случайности совпадают удивительным образом.

Сейчас же у Аси было впечатление, что сравнение происходит... заранее.

Линии на графике снова дрогнули и снова легли в тот же ритм, как будто эксперимент был музыкальной шкатулкой, и кто-то завёл её не руками, а будущей информацией.

Мира стояла у стола, не мешая. Надим ходил из угла в угол, как человек, которому нужно движение, чтобы мысль не застряла.

— Ася, — наконец сказал он. — Ты можешь сделать так, чтобы выбор параметров измерения происходил в последний момент?

— Могу, — ответила Ася, не отвлекаясь. — Мы это делали раньше для тестов «отложенного выбора». Когда решаешь, что измерять, уже после того, как фотон вроде бы «прошёл» часть установки.

— И что тогда?

Ася остановилась.

— Тогда квантовый мир показывает, что нельзя думать о фотоне как о шарике, у которого заранее есть путь, — сказала она. — Он ведёт себя так, будто... путь определяется контекстом измерения. Но это не значит, что мы меняем прошлое. Мы просто неправильно представляли прошлое.

Надим смотрел на неё, и в этом взгляде было ожидание: будто он надеялся, что она скажет фразу, которая сделает его

страх рациональным.

— А если контекст можно подталкивать? — спросил он.

Ася почувствовала, как раздражение поднимается — не на Надима, а на вопрос, который слишком похож на то, что она сама боялась сформулировать.

— Тогда мы влезает туда, где физика граничит с властью, — сказала она. — Потому что контекст измерения в современном мире — это инфраструктура. Часы. Сети. Стандарты. Всё, что кажется нейтральным.

Мира, не поднимая головы, произнесла:

— Поэтому и слепой протокол. Если есть вмешательство, оно проявится как попытка угадать то, что никто не знает.

Ася кивнула. Она снова открыла журнал, посмотрела на чужую-свою строчку и вдруг ясно поняла: эта строка — не подсказка. Это след. Отпечаток.

И отпечаток был сделан её рукой.

К вечеру воздух в лаборатории стал густым, как бывает в помещениях, где техника и люди одинаково устали греть-

ся и охлаждаться. Охлаждающий блок шипел, будто уговаривал сам себя работать дальше. На металлических поверхностях выступал едва заметный конденсат, и Ася ловила себя на том, что смотрит на капли так же внимательно, как на графики: капля — тоже эксперимент, просто более честный.

Она выключила лазер. Красная нить исчезла мгновенно, словно её никогда и не было. В тишине остались только вентиляторы и слабый щёлк детекторов, которые ещё пару секунд «дожёвывали» остатки сигнала.

— Всё, — сказала Ася. — Дальше я не доверяю ни одной цифре без слепого контроля.

Надим остановился у окна. Он смотрел не на стену напротив — туда смотреть было нечего, — а на своё отражение в стекле: тонкое лицо, тень усталости под глазами. Так смотрят люди, которые проверяют, они ли это, или уже копия.

— Ты серьёзно думаешь, что ты возвращалась ночью? — спросил он, не поворачиваясь.

— Я серьёзно думаю, что есть запись, журнал и факт, — ответила Ася. — А всё остальное — интерпретации. Я не люблю интерпретации.

— Но ты же сама сказала: если это не «кто-то», то...

— Я сказала: «если». — Она сняла перчатки и бросила их в контейнер. Пластик хлопнул о пластик. — Знаешь, что меня пугает больше всего? Не идея «потом». А то, что она слишком удобна. Слишком быстро объясняет. Это ловушка для ума: тебе дают красивую гипотезу — и ты перестаёшь проверять.

Мира закрывала программу на планшете. Её пальцы двигались ровно, как метроном.

— Мы будем проверять, — сказала она. — И проверять так, чтобы гипотеза не могла себя подстроить.

Ася кивнула. Внутри у неё дрогнуло что-то вроде благодарности, но она не позволила этому выйти наружу: благодарность в лаборатории мешает так же, как страх.

— Давай по шагам, — сказала Ася. — Что мы делаем?

Мира подняла глаза.

— Мы делаем «конверт». Настоящий, физический, потому что цифровое можно переписать, а бумагу — сложнее. Параметры эксперимента выбираются случайно, но так, что-

бы никто из нас не знал их до конца измерений.

— «Никто» — включая тебя? — уточнила Ася.

— Включая меня, — сказала Мира. — Я могу подготовить механизм выбора, но результат выбора должен быть скрыт от всех.

Надим оторвался от окна.

— Как это возможно? — спросил он. — Кто-то же должен знать, что мы выбрали, иначе как мы потом сравним?

— Мы сравним после, — сказала Мира. — Смысл в том, чтобы во время измерений результат был недоступен ни человеку, ни сети.

Она вытащила из папки несколько листов — схемы, таблицы, какие-то подписи.

— Мы используем двухступенчатую случайность, — объяснила она. — Первая ступень — физический источник шума. Например, радиошум от пустого диапазона или распад радиоизотопа в датчике. Он выдаёт сырые биты, которые никто заранее не предскажет. Вторая ступень — криптографическое «перемешивание» этих битов, чтобы убрать возмож-

ные смещения и сделать распределение ближе к идеальному.

Ася заметила, что Мира объясняет так, будто разговаривает не с физиком, а с комитетом по этике. Это было полезно: когда люди объясняют сложное простыми словами, они сами перестают обманывать себя.

— Хорошо, — сказала Ася. — И эти биты определяют, что именно мы измеряем? Поляризацию? Фазу? Угол анализатора?

— Да. И порядок измерений. И временные окна, — ответила Мира. — Всё, что может влиять на статистику.

Надим поднял руку, как студент.

— А если тот, кто вмешивается, может влиять на физический шум? — спросил он. — Если мы подозреваем управление вероятностями, то разве случайность вообще существует?

Ася ожидала этого вопроса. Он был неизбежен, как второй закон термодинамики: чем больше ты смотришь на мир как на систему, тем больше хочешь спросить, не подделана ли сама случайность.

Мира не смутилась.

— Существует, — сказала она. — И даже если кто-то умеет подталкивать вероятности, это не значит, что он может сделать всё. Представь, что ты стоишь у реки и можешь бросать маленькие камни. Ты можешь создать рябь, можешь чуть изменить, куда поплывёт щепка. Но ты не можешь заставить реку течь вверх без огромной силы, которая станет заметной.

— Мы не знаем, насколько «маленькие камни» у них, — заметил Надим.

— Поэтому мы строим эксперимент так, чтобы любое заметное вмешательство оставило след, — сказала Мира. — Если вмешательство слишком сильное — оно проявится статистически. Если слишком слабое — оно не сможет стабильно влиять.

Ася добавила, уже своим тоном, более резким:

— А если оно достаточно сильное и достаточно умное, чтобы оставаться незаметным, то у нас всё равно нет способов его поймать. Тогда мы проиграли ещё до начала. И это не научный разговор.

Надим отвёл взгляд, но кивнул: он понимал цену такой позиции. Если ты допускаешь всемогущество противника, ты перестаёшь работать.

Мира закрыла папку.

— Я подготовлю конверт, — сказала она. — А вы оба — подписи. И ещё: нам нужен третий свидетель.

— Кто? — спросила Ася.

— Кто-то, кто не участвует в эксперименте, но сможет подтвердить цепочку событий, — ответила Мира. — И кто-то, кого трудно купить или запугать.

Ася подумала о людях, которые знали, где находится лаборатория. Их было мало. Большинство из них можно было купить — не деньгами, так вниманием. Или угрозой.

— София, — сказала она неожиданно для себя.

Надим поднял брови.

— Твоя сестра?

— Она нейропсихолог, — сказала Ася. — Если кто-то и

поймёт, что значит «память может быть ненадёжна», то она. И... — Ася замялась, впервые за день. — И я ей доверяю.

Мира посмотрела внимательно, как смотрят люди, которые понимают, что доверие — тоже инструмент, но не из тех, что легко заменить.

— Хорошо, — сказала она. — Пусть будет София.

София пришла через час. Не в халате, а в тёмном плаще, который пах улицей и дождём. Волосы у неё были собраны небрежно, лицо — очень собранное. Она входила в пространство лаборатории осторожно, не как чужая, а как человек, который понимает: здесь всё имеет значение, даже шаг.

— Ты позвала меня как сестру или как специалиста? — спросила она, глядя на Асю.

— Как свидетеля, — ответила Ася. — А дальше — как получится.

София кивнула и, не задавая лишних вопросов, посмотрела на оптический стол.

— Я не понимаю половины того, что тут происходит, — призналась она. — Но я вижу, что вы напряжены так, будто

готовитесь к операции.

— Почти, — сказала Ася. — Мы будем оперировать собственную уверенность.

Мира вытащила из шкафа плотный бумажный конверт и маленькую коробочку с воском. В современном мире воск выглядел странно, почти театрально. Но в этом и была его сила: он принадлежал эпохе, где следы подделки были физическими.

— Сейчас мы выбираем параметры, — сказала Мира. — Но так, чтобы никто из нас не видел их до конца серии измерений.

Она положила на стол небольшое устройство — чёрный прямоугольник с кнопкой и маленьким экраном.

— Это генератор случайных битов на радио-шуме, — объяснила она Софии. — Проще: он слушает «шипение» эфира и превращает его в нули и единицы.

— То есть он ловит пустоту? — уточнила София.

— Он ловит не пустоту, а смесь всего, — сказала Мира. — Космический фон, тепловой шум, бытовые помехи. Потом

алгоритм убирает явные закономерности, если они есть.

София посмотрела на Асю.

— Ася, — сказала она спокойно. — Ты понимаешь, что человеческий мозг тоже умеет находить закономерности в шуме? Иногда там, где их нет.

— Понимаю, — ответила Ася. — Поэтому и делаем это.

Мира нажала кнопку. На экране пробежали цифры, затем появилась последовательность: 101100... Она не дала никому смотреть долго, накрыла экран ладонью и ввела данные в программу, которая превращала биты в конкретные значения: углы поляризаторов, порядок измерений, временные окна.

— Теперь я печатаю это, — сказала она. — Но печатает принтер в режиме «вслепую»: лист выходит сразу в закрытую коробку.

Она показала маленькую коробку с прорезью, которую принесла заранее. Простая вещь: лист проваливается внутрь, достать его без вскрытия невозможно.

София подняла конверт.

— И всё это потом запечатываем? — спросила она.

— Да, — сказала Мира. — Мы запечатываем конверт и подписываем. Вы — обе. И Надим.

Надим подошёл ближе, нахмуренный, но сосредоточенный.

— А что конкретно мы проверяем? — спросила София.
— Мне нужно понимать, что я свидетельствую.

Ася посмотрела на неё, и в этот взгляд на секунду провалось что-то детское: желание, чтобы старшая сестра сказала, что всё будет нормально. Но София не была старшей — просто в такие моменты роль старшего берёт тот, кто умеет держать страх на поводке.

— Мы проверяем, может ли результат нашего измерения коррелировать с выбором параметров, который ещё не известен, — сказала Ася.

София прищурилась.

— То есть... как будто эксперимент «угадывает» то, что вы решите позже? — уточнила она.

— Не угадывает в смысле «знает», — вмешалась Мира. — А показывает статистическое смещение так, будто информация о будущем выборе влияет на распределение исходов.

— И если это правда, — сказал Надим, — то это может объяснить, почему некоторые сценарии в больших системах вдруг становятся «неожиданно» вероятными.

София молчала несколько секунд, переваривая.

— Вы понимаете, как это звучит? — спросила она. — Это звучит как... как если бы у реальности была память.

Ася почувствовала, как по коже прошёл холодок. Именно так и звучало. И именно поэтому ей хотелось держаться за слова «статистика», «контроль», «протокол». Они были якорями.

— Сначала протокол, — сказала Ася. — Потом слова.

Когда конверт был запечатан и подписан, Мира положила его в металлический ящик с замком — ещё один слой «неудобства» для подделки. София сфотографировала конверт на старый, почти музейный фотоаппарат мгновенной печати — такой, что выдавливает снимок сразу. Фотография

выехала с мягким шорохом, и София подписала её ручкой.

— Аналоговый след, — сказала она. — Это мне нравится.

Ася не знала, нравится ли ей. Ей нравилось только то, что проверяемо.

Они начали серию измерений заново — с нуля, как сказала Ася. Всё было настроено так, чтобы выбор параметров оставался скрытым: программа управляла поляризаторами и временными окнами, но не показывала человеку, что именно выбрано. На экране — только общие индикаторы исправности.

Ася стояла у стола, как дирижёр без оркестра: она видела только движение стрелок и слышала щелчки, но должна была чувствовать, где фальшь.

В первый час всё шло скучно. Скука в науке — подарок. Скука означает, что мир согласен быть нормальным.

Во второй час скука закончилась.

На мониторе появилось сообщение: «Порог совпадений превышен. Авто-контроль: отклонение от ожидаемого распределения».

Ася наклонилась к экрану. Её сердце ускорилося, но лицо осталось неподвижным.

— Что там? — спросил Надим.

— Неправильно, — сказала Ася.

— В смысле?

— В смысле: слишком хорошо, — уточнила она. — У нас совпадения ведут себя так, будто кто-то оптимизирует их под будущий выбор параметров.

Мира подошла, не касаясь клавиатуры, будто боялась оставить отпечаток, который потом станет аргументом в чьей-то паранойе.

— Статистическая значимость? — спросила она.

Ася быстро пробежалась по отчёту.

— Пока рано. Но тренд... — Она показала рукой на кривую. — Слишком ровно. Как будто это не шум, а сигнал, который делает вид, что он шум.

София стояла чуть в стороне, смотрела то на графики, то на лица.

— Вы сейчас говорите так, — сказала она тихо, — как люди, которые нашли у себя дома чужую вещь. Она маленькая, но от неё меняется всё.

Ася не ответила. Она чувствовала то же. И ещё одно: неприятное ощущение, будто её собственные мысли кто-то читает. Это было глупо, конечно. Но мозг всегда пытается придать форме страху.

Серия закончилась ближе к ночи. Ася остановила установку и только тогда позволила себе выдохнуть.

— Открываем? — спросил Надим, указывая на ящик.

Мира посмотрела на Софию.

— Ты как свидетель? — спросила она.

— Давайте, — сказала София и подошла ближе.

Мира достала конверт, показала печать, подписи, фотографию. София сравнила подписи с теми, что были у них в документах, кивнула.

— Вскрываюте, — сказала она.

Мира аккуратно разрежала конверт. Достала лист. На нём — таблица параметров и порядок измерений.

Ася взяла лист, и руки её впервые за весь день дрогнули.

Она сопоставила параметры с тем, что видела в отчёте. И увидела: отклонения совпадали именно там, где, по протоколу, должны были быть максимальные различия при определённых углах поляризаторов.

Это было как если бы эксперимент «знал», где его будут спрашивать, и готовил ответ заранее.

Надим выдохнул.

— Это... это не похоже на случайность, — сказал он.

— Это похоже на то, что мы впервые построили вопрос так, что мир не смог притвориться, что не слышит, — ответила Ася.

София смотрела на лист, не понимая формул, но понимая людей.

— Ася, — сказала она. — Если ты действительно не помнишь ночную запись, и теперь вы видите то, что видите... Это не только физика. Это может быть и про мозг. Про память. Про то, как человек удерживает себя, когда реальность становится скользкой.

Ася кивнула. Она знала: дальше будет хуже. Не потому что эксперимент «опасен», а потому что он требует от человека невозможного — жить без уверенности в последовательности причин и следствий.

Мира сложила лист обратно и спрятала в новый конверт.

— Мы это повторим, — сказала она. — Но уже так, чтобы никто — даже внутри нашей команды — не мог связать параметры с результатом до финала. Максимальная слепота.

Надим поднял взгляд.

— И если повторится?

Мира ответила спокойно:

— Тогда это будет не странность. Это будет технология. И вопрос: кто ещё уже её использует.

Ася стояла у стола и вдруг заметила: на краю экрана, в углу, где обычно ничего не было, мигнуло маленькое уведомление системы безопасности — «обновление синхронизации времени выполнено».

— Вы это делали? — спросила она резко.

Мира сразу покачала головой.

— Нет.

Надим шагнул ближе.

— У нас автономная сеть времени, — сказал он. — Она не должна обновляться.

Ася почувствовала, как внутри поднимается знакомая научная злость — чистая, холодная, полезная.

— Значит, кто-то считает, что должен, — сказала она.

Глава 2. Протокол «Люкс-память»

Утро пришло как административное письмо: безжалостно ясное, со списком задач. За окном на бетонной стене напротив появилось солнечное пятно — прямоугольник света, который вчера казался утешением, а сегодня стал подозрительным: слишком аккуратный, слишком ровный, словно кто-то выставил его по линейке.

Ася не ушла домой. Она спала на узком диванчике в соседней комнате, где когда-то хранили реагенты и старые кабели. Сон был рваный, как плохая связь: просыпалась каждые сорок минут, проверяла, на месте ли голова, на месте ли память. Это звучало смешно, но не было смешным.

В шесть утра Мира уже была в лаборатории — с термосом чая и свежей версией протокола на бумаге.

Надим пришёл позже, с запахом улицы, дождя и кофе.

— У нас есть повторяемый эффект, — сказал он вместо приветствия. — Это... — он поискал слово. — Это больше, чем научный результат.

— Это пока набор подозрений, — ответила Ася.

— Ты сама вчера видела обновление времени.

— Я видела уведомление, — поправила Ася. — Не путай.

Мира подняла ладонь.

— Мы не будем спорить словами, — сказала она. — Мы будем спорить измерениями. И поэтому протокол станет жёстче.

Она разложила листы на столе. Схемы, шаги, подписи, пункты.

— Я назвала это «Люкс-память», — сказала Мира. — Латинское lux — свет. И «память» — потому что мы проверяем, может ли свет нести корреляции, которые выглядят как след будущего.

Ася усмехнулась.

— Название слишком красивое для того, что может оказаться багом.

— Название должно быть запоминающимся, — спокойно сказала Мира. — Если это окажется багом, мы забудем. Ес-

ли нет — мир запомнит. Лучше пусть запомнит наше слово, чем чужое.

Надим сел, оперся локтями о стол, будто собирался слушать лекцию.

— Объясните мне простыми словами, — сказал он. — Что именно мы предполагаем? Мне нужно сформулировать это для моих моделей.

Ася взяла маркер и подошла к доске — старой, белой, со следами десятков стёртых формул. Она любила доску: на ней мысли выглядели честнее, чем на экране.

— Хорошо, — сказала она. — Есть два уровня, на которых люди путаются. Первый: «информация идёт в прошлое». Это звучит как фантастика и вызывает неправильные ожидания. Второй: «корреляции во времени». Это звучит скучнее, но ближе к реальности.

Она нарисовала линию времени и два события: А и В.

— Пусть А — это наш выбор параметров измерения. Например, угол поляризатора. В — результат измерения. В нормальном мире А влияет на В: выбираешь, что мерить — и получаешь соответствующее распределение результатов. Но

В не влияет на А. По крайней мере, так устроена обычная причинность.

Она поставила стрелку $A \rightarrow B$.

— В квантовой механике есть эффекты, которые заставляют нас быть осторожнее. Например, «отложенный выбор»: ты выбираешь, как измерить систему, после того как она прошла часть пути. И всё равно результаты согласуются так, будто система «подстроилась» под твой поздний выбор.

Надим кивнул.

— Но там нет реального влияния на прошлое, верно?

— Верно, — сказала Ася. — Там проблема в том, что наша интуиция о «прошлом пути» неверна. Мы не можем говорить, что система имела определённое свойство до измерения, если измерение этого свойства не было определено.

Она сделала паузу, чтобы слова улеглись. Затем продолжила:

— Но мы сейчас видим другое. Мы видим, что даже когда выбор А скрыт от людей и устройств, результат В начинает статистически «учитывать» А. Как будто распределение В

меняется в пользу согласованности с будущим А.

Мира добавила:

— Важно: мы не говорим, что можно отправить сообщение в прошлое. Потому что для сообщения нужно, чтобы ты мог выбрать «что отправлять» и чтобы получатель мог это прочитать без дополнительной информации. А здесь каждый отдельный результат всё равно выглядит случайным. Только в сумме, при сравнении, видно смещение.

София, которая пришла снова — она настояла быть рядом хотя бы в начале, — тихо спросила:

— То есть это похоже на... — она искала образ, — ...на то, как если бы ты бросала монету, и монета всегда честная, но если ты потом решишь, что тебе нужен орёл, окажется, что «случайно» орлов было чуть больше?

Ася посмотрела на неё с уважением.

— Да. Именно. И никто не сможет сказать: «монету подменили», потому что каждый бросок всё равно может дать орла. Но если орлов слишком много, и это совпадает с будущим выбором... тогда становится странно.

Надим потер подбородок.

— И ты думаешь, что это можно использовать для подсказок? — спросил он.

— Я думаю, что это можно использовать для влияния, — ответила Ася. — Подсказки — это мягкая форма влияния. Как воспитание. Как реклама. Как алгоритмы.

Мира постучала пальцем по листам.

— Поэтому «Люкс-память» — это не только физика, — сказала она. — Это протокол, который фиксирует, кто и когда может иметь доступ к выбору А и к результату В. И который делает вмешательство измеримым хотя бы статистически.

Ася вернулась к столу, взяла листы, пробежала глазами.

— Рассказывай, — сказала она.

Мира заговорила, и её голос стал тем самым, что бывает у людей, которые строят мост через пропасть: каждое слово — балка.

1) Максимальная слепота

— Первое: выбор параметров делается распределённо, — сказала Мира. — Не одним устройством, не одним источником случайности. Мы берём три независимых источника: радио-шум, фото-шум и аппаратный генератор на тепловом шуме. Каждый выдаёт поток битов. Мы смешиваем их криптографически. Даже если один источник «подкручен», два других должны защитить.

Ася кивнула.

— И никто не видит итоговые параметры до конца серии.

— Да. Параметры хранятся зашифрованными. Ключ — разделён между нами тремя по схеме разделения секрета. Чтобы открыть, нужны минимум две доли из трёх.

Надим поднял палец.

— Это как «если один человек предатель, двое честных всё равно смогут открыть»?

— Примерно, — сказала Мира. — И наоборот: один человек не сможет открыть в одиночку.

2) Отложенное вскрытие и «якоря»

— Второе: мы создаём якоря, — продолжила она. — Фи-

зические и цифровые. Физический — бумажная распечатка хеша параметров и подписи свидетеля. Цифровой — публикация хеша в публичной системе времени меток, где его нельзя тихо переписать без следа.

София нахмурилась.

— Хеш — это что? — спросила она.

Ася ответила вместо Миры, проще:

— Представь, что ты берёшь длинный текст и прогоняешь через мясорубку, которая всегда даёт короткий набор цифр. Если текст поменяется хоть на одну букву — набор цифр станет совсем другим. Это не даёт восстановить текст обратно, но позволяет доказать, что текст был именно таким.

София кивнула.

— То есть вы фиксируете «отпечаток» параметров, не раскрывая их?

— Именно, — сказала Мира.

3) Разделение ролей

— Третье: мы разделяем роли, — сказала Мира. — Ася не

знает параметров, Надим не знает результатов до финала, я не знаю ни того, ни другого полностью. И логирование действий — максимально автоматическое.

Ася подняла глаза.

— Ты не доверяешь нам?

— Я доверяю вам как людям, — ответила Мира. — Но протокол строится не для людей. Он строится для мира, в котором могут быть силы, использующие наши слабости. Если эффект реальный, то самый простой способ его использовать — сделать так, чтобы люди сами «довели» статистику до нужного результата, не понимая этого.

Надим тихо сказал:

— Эффект наблюдателя как социальная технология.

Ася посмотрела на него и кивнула: да, именно так.

Они работали до полудня, превращая идеи в конкретные действия. Ася перенастраивала установку: добавляла второй канал измерения, меняла геометрию, вводила дополнительные проверочные детекторы, которые должны были показывать, если кто-то «подменяет» статистику простым техниче-

ским способом.

Параллельно Мира настраивала криптографическую часть: генераторы, ключи, хеши, публикацию отметок времени через независимые сервера.

Надим, как ни странно, оказался полезен в мелочах: он задавал «глупые» вопросы, которые заставляли формулировать. Вопросы типа: «А что, если...» и «А как мы убедим постороннего, что...» Он думал о внешнем читателе — о рецензенте, чиновнике, журналисте. О мире, который не обязан понимать, но обязан быть убеждённым.

К вечеру «Люкс-память» стала не папкой, а режимом жизни.

Первый запуск протокола

Перед стартом Ася вымыла руки так, будто готовилась к хирургии. Это было смешно и правильно. В лаборатории руки — главный инструмент, а инструмент должен быть чистым не только от грязи, но и от лишнего смысла.

— Готовы? — спросила Мира.

— Готовы, — ответил Надим.

София стояла у двери, как внешний мир: она не вмешивалась, но присутствовала. В руках у неё был блокнот. Бумажный. Она записывала время и последовательность действий, не доверяя памяти.

Мира запустила генераторы случайности. Устройства тихо зашипели, как небольшие звери. На экране ноутбука побежали строки: «entropy collected... mix... commit hash... publish... done».

— Хеш опубликован, — сказала Мира. — Отпечаток параметров закреплён. Теперь никто не сможет сказать, что мы подменили их задним числом.

Ася включила лазер. Красный луч снова протянулся над столом, ровный, как обещание. На мгновение ей показалось, что она смотрит не на луч, а на границу: за этой линией мир может стать другим.

— Поехали, — сказала она и нажала старт.

Детекторы начали считать. Щелчки пошли частыми каплями.

Первые десять минут были ровными. Двадцать — тоже. Ася почти расслабилась: возможно, вчерашнее было случай-

ной комбинацией дрейфа, усталости, совпадения.

Затем на экране появилось то, что в протоколе называлось «аномалией согласованности». Это была внутренняя метрика: насколько результат совпадает с тем, что ожидается при конкретных параметрах измерения. Параметры были скрыты, поэтому метрика считалась автоматически — но человеку не показывалось, какие именно углы и окна сейчас выбраны, только степень соответствия.

И степень соответствия стала расти.

Не медленно, как бывает при накоплении статистики, а слишком «умно»: скачками, которые совпадали с моментами, когда программа переключала режимы измерения.

— Это может быть программный баг? — спросил Надим, хотя сам понимал, что Мира проверила всё сто раз.

— Нет, — сказала Мира. Её лицо оставалось спокойным, но пальцы сжались. — Я не вижу пути, как это могло бы быть багом без следов. Логи чистые.

Ася молчала. Она смотрела на цифры, но думала о другом: о вчерашней ночной записи. О конверте. О «обновлении синхронизации времени».

В какой-то момент ей захотелось сделать не научное действие, а человеческое: выключить всё и уйти. Но это было бы признанием, что страх сильнее любопытства.

Серия закончилась. Программа сформировала отчёт и, по протоколу, зашифровала его так, что Надим не мог его видеть до сверки. Ася видела только агрегированные показатели без расшифровки параметров.

Мира произнесла:

— Переходим к вскрытию.

Они сели за стол, как за суд. София — чуть в стороне, но достаточно близко, чтобы слышать дыхание.

Мира открыла программу разделения секрета. Попросила Асю ввести свою часть ключа, потом Надима. Ещё один ключевой штрих: чтобы не было «подсказки», ввод происходил через отдельную клавиатуру, не подключённую к сети.

Экран мигнул.

Параметры раскрылись.

Ася увидела углы и окна.

И увидела то, от чего у неё внутри стало пусто: распределение результатов было сдвинуто именно так, как будто установка «старалась» совпасть с будущим выбором параметров. Не идеально — но достаточно, чтобы статистика кричала.

Надим медленно выдохнул.

— Это... — он посмотрел на Асю. — Это похоже на обратную корреляцию. Как будто выбор параметров не просто влияет на результат, а результат ведёт себя так, будто «заранее» знает, что мы выберем.

София тихо спросила:

— Это значит, что будущее влияет на настоящее?

Ася ответила не сразу. Она знала, что любое слово сейчас может стать ядом, который потом будет разъедать их решения.

— Это значит, — сказала она наконец, — что наше привычное представление о том, как информация и причинность связаны, может быть неполным. И что кто-то, возможно, умеет использовать эту неполноту.

Мира перелистнула отчёт.

— Есть ещё одно, — сказала она.

— Что? — спросила Ася.

Мира показала строку в логах: «time sync patch applied — source: external».

— Снова? — прошептал Надим.

— Снова, — сказала Мира. — И это уже не уведомление системы безопасности. Это запись в самом протоколе времени.

Ася почувствовала, как кровь в голове становится горячей. Тонкая грань: между «мы открыли странный эффект» и «кто-то вмешивается в нашу инфраструктуру».

— У нас автономная сеть, — сказала она, скорее себе. — Автономная. Она не должна принимать внешних патчей.

Мира кивнула.

— Значит, автономность была иллюзией, — сказала она.

— Или кто-то имеет доступ на уровне, который выше нашей автономности.

Надим встал.

— Я хочу проверить другие узлы времени, — сказал он.
— Те, что питают городскую синхронизацию. Если там тоже идут патчи... Тогда это не про нас. Это про мир.

Ася посмотрела на Софию.

— Ты видела, — сказала она. — Ты можешь подтвердить.

София кивнула, но взгляд её стал тяжёлым.

— Я могу подтвердить, что вы сделали всё, чтобы не обмануть сами себя, — сказала она. — Но я также могу подтвердить другое: вы оба сейчас на пороге того, что ломает людей. Если реальность перестаёт быть последовательной, мозг начинает защищаться. Он заполняет дырки. Он создаёт «объяснения». И иногда эти объяснения выглядят как воспоминания.

Ася медленно кивнула.

— Поэтому мы будем якорить всё, — сказала она. — Не

только параметры. Всё: время, действия, решения.

Мира добавила:

— И мы будем делать это публично, как только поймём, как не отдать это в руки тем, кто уже умеет вмешиваться.

Надим, уже на полпути к двери, остановился.

— А если это уже в руках? — спросил он.

Вопрос повис.

Ася посмотрела на красный лазер, который они уже выключили, но который ещё стоял в глазах как послесвечение. Свет уходил, но память о нём оставалась.

— Тогда мы опоздали, — сказала она. — Но это не повод не бежать. Это повод бежать быстрее.

Вечером, когда они собирали оборудование для следующего шага — автономных узлов и независимых маяков случайности — Ася снова открыла лабораторный журнал. Она искала одну вещь: ночную строку.

Строка была на месте.

Но теперь под ней появилась ещё одна.

Её почерк. Её стиль.

И снова — пустота в голове, как будто страницу написали, пока она моргнула.

«Слепота недостаточна, если время не слепо. Начни с часов.»

Ася смотрела на эти слова долго. Она не сказала никому. Пока.

Потому что если это правда — если «начни с часов» — значит, в войне за вероятности первым оружием становится не лазер и не формула.

Первым оружием становится то, что все считают нейтральным.

Время.

Строка «Начни с часов» не была угрозой. В этом и была её опасность.

Угрозы легко распознаются: в них есть давление, намерение, лишний воздух. А здесь — сухая инженерная фраза. Так пишут себе напоминания. Так записывают, с чего начать, когда голова забита слишком многим.

Ася закрыла журнал и несколько минут стояла неподвижно, слушая, как в стенах шуршит вентиляция. В помещении, где ты работаешь со светом, тишина никогда не бывает полной: всегда есть электрический шёпот, дрожь металла, дыхание холодильника. Но именно эта тишина казалась сейчас особенной — как пауза между вопросом и ответом.

Она могла сделать вид, что не видела. Спрятать строчку в себе, как люди прячут собственное подозрение, чтобы не разрушить хрупкое равновесие команды.

Но протокол «Люкс-память» существовал ровно для того, чтобы не прятать.

Ася вышла в основную комнату. Мира сидела у ноутбука, листая логи. Надим стоял у стойки с оборудованием и, не глядя, перебирал кабели — привычка человека, которому нужно занять руки, когда мысль слишком тяжёлая.

София, как и обещала, собиралась уходить: натягивала плащ, поправляла волосы, уже почти снова становилась

внешним миром.

— Стоп, — сказала Ася.

Все трое подняли головы.

— Что? — спросила Мира. Она никогда не спрашивала «всё нормально?». Она спрашивала «что случилось?». В этом была экономия на эмоциях.

Ася молча подошла к журналу, развернула экран так, чтобы они видели, и ткнула пальцем в новую строку.

«Слепота недостаточна, если время не слепо. Начни с часов.»

Надим прочитал и медленно выпрямился.

— Это... — он сглотнул. — Это опять ты не помнишь?

Ася кивнула.

София подошла ближе. Её лицо было собранным, но глаза стали внимательнее, почти больнее: как у врача, который только что увидел симптом, не укладывающийся в привычную картину болезни.

— Ася, — сказала София очень тихо, — такие эпизоды могут быть от усталости. От недосыпа. От перегруза.

— Могут, — согласилась Ася. — Но это не объясняет пати времени. И не объясняет, почему фраза... правильная.

Мира, не меняя выражения лица, закрыла журнал и открыла на своём экране схему их автономной синхронизации.

— Тогда — по делу, — сказала она. — Если «время не слепо», значит, кто-то получает преимущество через синхронизацию. То есть через то, что все системы считают нейтральным: отметки времени, окна измерений, порядок событий.

Надим нахмурился.

— Объясните мне, почему время так важно именно для квантового эксперимента? — спросил он. — Я понимаю на уровне «без времени нельзя сравнить». Но вы говорите так, будто время — это рычаг.

Ася взяла маркер и снова подошла к доске. На ней ещё оставалась линия времени с событиями А и В. Она дорисовала рядом ещё одну линию — пунктирную.

— Представь, — сказала она, — что квантовый эксперимент — это не один бросок монеты, а огромная серия бросков. Ты не видишь закономерность в одном броске, но видишь в миллионе. И ключевой вопрос: что считать «одним броском»? Где начинается и заканчивается событие?

Она нарисовала прямоугольники — окна.

— Детектор регистрирует щелчок. Он приходит в конкретный момент. Но чтобы сказать, что два щелчка — «совпадение», мы должны решить, насколько близко по времени они должны быть. Это окно совпадений. Его задаёт электроника. Её синхронизация. Её часы.

Мира подхватила, как всегда, превращая физику в угрозу модели:

— Если ты контролируешь окно, ты контролируешь, какие события считаются связанными, а какие — нет. Ты не меняешь сами щелчки. Ты меняешь то, как их интерпретирует система.

София нахмурилась:

— То есть можно... не менять реальность, а менять её от-

чёт?

— Иногда это одно и то же, — сказала Ася. — Потому что в квантовом эксперименте «что измерено» зависит от того, как ты определяешь событие. В классическом мире ты можешь сказать: «ну, часы чуть ошиблись, не страшно». В квантовом мире «чуть» иногда решает, как именно складываются корреляции.

Надим медленно кивнул.

— Хорошо. Но как это связано с вашим «будущим», — спросил он. — Даже если кто-то контролирует синхронизацию, это же всё равно здесь и сейчас.

Ася остановилась, подбирая слова. Сложность была не в математике. Сложность была в том, что человеческий язык плохо переносит идеи, где причинность — не стрелка, а сеть.

— Попробую так, — сказала она. — Есть способ смотреть на квантовые процессы как на штуку, где важны не «состояния в момент времени», а «связи между событиями». Не то, что есть, а то, как соотносено.

Она нарисовала две точки и между ними интерференционные волны — простую картинку, почти детскую.

— В обычной причинности у тебя есть «прошлое → будущее». В некоторых квантовых формализмах удобно думать иначе: у тебя есть условия до и после, и они вместе ограничивают возможные истории между ними. Это не значит, что будущее отправляет сообщение назад. Это значит, что когда ты отбираешь результаты по некоторому условию после эксперимента, ты как бы «подсвечиваешь» те траектории, которые согласованы с этим условием.

София подняла брови:

— То есть вы делаете выбор позже, и это меняет то, какие события вы считаете значимыми?

— Да, — сказала Ася. — Это называется постселекция. Она известна и не является мистикой. Проблема начинается, когда кто-то может делать постселекцию на уровне инфраструктуры, незаметно. Тогда он может «подталкивать» статистику мира так, чтобы нужные исходы встречались чаще, но выглядели случайностью.

Мира добавила:

— А время — это как раз инфраструктура, через которую можно делать такую постселекцию незаметной. Не сказать

«отбрасываем эти результаты», а просто слегка изменить, какие события попали в окно совпадений, какие были признаки «валидными», какие — шумом.

Надим смотрел на доску так, будто видел не маркер, а климатическую модель: система, где выбор фильтра иногда важнее данных.

— Тогда, — сказал он, — если кто-то контролирует синхронизацию на уровне города... он может менять не только ваши щелчки, но и всё, что зависит от времени. Транзакции. Трафик. Связь. Модели.

— Именно, — сказала Мира.

Ася ощутила, как внутри у неё что-то сжалось: не страх — скорее, холодное понимание масштаба. Слова «начни с часов» становились не подсказкой, а диагнозом.

— Хорошо, — сказала она. — Значит, мы делаем то, что должны были сделать с самого начала: строим независимый эталон времени. Полностью автономный. И сравниваем.

Надим посмотрел на стойку с оборудованием.

— У нас есть рубидиевый стандарт, — сказал он. — Но

он дрейфует.

— Дрейфует, — согласилась Ася. — Но дрейф — это честная ошибка. Он непрост, но предсказуем статистически. Нам не нужен идеальный эталон. Нам нужен эталон, который никто не может «патчить».

Мира подняла руку:

— И ещё нам нужен эталон событий, — сказала она. — Не только времени. Список того, что произошло, закреплённый так, чтобы его нельзя было изменить тихо. София, ты говорила про аналоговые якоря. Нам нужно больше таких.

София кивнула.

— Я могу привезти из клиники автономный регистратор — как в старых экспериментах: механическая отметка времени на ленте, — сказала она. — Он не точен как атомные часы, но он физический. Его нельзя обновить по сети.

— Привози, — сказала Ася.

Ночь «честного времени»

Они остались до ночи.

Лаборатория ночью была иной: в ней исчезали дневные звуки, и каждый щелчок детектора становился громче, будто машина разговаривала с пустотой.

Ася подключила рубидиевый стандарт напрямую к контроллеру детекторов, минуя внешнюю синхронизацию. Это было грубо, как хирургический разрез без косметики: некрасиво, но эффективно.

Мира отключила всё, что могло получать обновления. Она ходила по комнате, как человек, закрывающий окна перед бурей: Wi-Fi — вырубить, внешние порты — закрыть, питание — на автономный блок, журналы — на отдельный носитель.

— Теперь, — сказала она, когда последний индикатор внешней связи погас, — мы глухи. И если патчи продолжатся, значит, нас трогают не через сеть.

Надим посмотрел на тёмный монитор.

— Мы как подводная лодка, — сказал он.

— Не романтизируй, — ответила Ася, но голос её был сухой. — Подлодка хотя бы знает, что её не видят. Мы этого не знаем.

София привезла свой регистратор ближе к полуночи. Это был прямоугольный металлический ящик с узкой щелью. Внутри тянулась бумажная лента, и маленький механический стилус наносил на неё отметки, когда получал импульсы.

— Красиво, — сказала Мира, и это было почти комплиментом.

София улыбнулась — впервые за день.

— Иногда, — сказала она, — чтобы доверять, нужно видеть след.

Они завели регистратор от отдельного источника питания. Теперь у них было три времени: внутреннее цифровое, рубидиевое и механическое, почти доисторическое.

Ася запустила эксперимент.

Щелчки потекли, как дождь.

Первые минуты всё выглядело обычно. Линии на графике дрожали, как и положено шуму. Ася ловила себя на том, что ищет знакомый «умный» паттерн — и не находит.

Она почувствовала облегчение, и одновременно — злость. Потому что облегчение означало: они действительно могли быть игрушкой чьего-то вмешательства. А злость означала: она не любит быть игрушкой.

Прошёл час.

Второй.

Система оставалась спокойной.

— Значит, это было через время, — сказал Надим, тихо, словно боялся спугнуть вывод.

— Или через сеть, — добавила Мира. — Или через обе.

София смотрела на людей, а не на графики. Она видела то, чего они не видели: как с каждым «нормальным» часом напряжение не спадало полностью, а превращалось в ожидание удара. Мозг человека, даже рациональный, не любит неопределённость. Он предпочитает плохое событие, но ясное, чем отсутствие события, но неясное.

На третьем часу механический регистратор издал тихий щелчок — отметка на ленте. Ася не сразу поняла, что это не

детектор. Это был «якорь» времени.

И в ту же минуту на экране снова появилась «аномалия согласованности».

Не такая сильная, как раньше. Но узнаваемая.

Ася стиснула зубы.

— Нет, — сказала она.

— Что? — спросила Мира.

— Он вернулся, — ответила Ася. — Паттерн вернулся. Но сеть отключена. Время автономно.

Надим подошёл к экрану. Его лицо стало жестким.

— Может, это просто статистика, — сказал он, но в голосе не было уверенности.

Мира быстро пробежалась по логам.

— У нас нет внешних входов, — сказала она. — Нет обновлений. Нет патчей. Но метрика растёт.

София положила ладонь на край стола — не на прибор, на стол, как будто хотела заземлить их.

— Ася, — сказала она, — ты уверена, что «время автономно»? Ты отключила внешнюю синхронизацию, но вы же всё равно в одном мире. В одном городе. В одной сети электропитания. В одном шумовом поле.

Ася посмотрела на неё.

— Ты хочешь сказать, что вмешательство может быть физическим? Не через сеть?

София пожала плечами.

— Я хочу сказать, что если вы допускаете влияние на вероятность, то оно не обязано идти через провода, — сказала она. — Но я не физик. Я просто вижу, что ваша система находит способ вернуться к странности даже в изоляции.

Мира резко подняла голову.

— Электропитание, — сказала она.

Ася уже поняла.

Они одновременно посмотрели на автономный блок питания. Он был автономным только по отношению к внешней линии, но его батареи заряжались днём от общей сети здания. А общая сеть — часть городской инфраструктуры.

Это звучало параноидально, но паранойя и инженерия иногда различаются только количеством фактов.

— Ладно, — сказала Ася. — Следующий шаг: питание полностью с нуля. От независимого источника. Без предварительной зарядки от городской сети.

— Генератор? — спросил Надим.

— Генератор, — сказала Ася. — Или батареи, привезённые извне и проверенные. И ещё — экранирование.

Мира кивнула.

— И контроль, — добавила она. — Мы делаем контрольный эксперимент, который должен быть нечувствителен к квантовой части, но чувствителен к любым «фильтрам» по времени. Чтобы понять, где именно нас трогают.

Ася посмотрела на график. Паттерн рос, как плесень на белой стене: не потому что он сильный, а потому что он воз-

вращается.

— Он учится, — сказала она неожиданно для себя.

Надим посмотрел на неё, не спрашивая «кто». Он уже знал, что вопрос «кто» преждевременный. Важнее было «как».

Объяснение без мистики: почему это не «письмо в прошлое»

Ближе к двум ночи, когда они сделали паузу, чтобы не перегреть детекторы, София спросила то, что держала в себе весь вечер:

— Скажите честно. Если вы правы... это значит, что будущее уже существует?

Вопрос был человеческий, не научный. Но наука, если она реальна, обязана выдерживать человеческие вопросы.

Ася потеряла переносицу.

— Я не знаю, — сказала она. — И я не хочу превращать это в религию. Но есть способ объяснить наблюдаемое так, чтобы не делать из времени мистику.

Она взяла с полки две прозрачные коробочки — в них лежали старые поляризационные фильтры, списанные, но оставленные «на всякий случай». Поставила их перед Софией.

— Представь, что реальность — это не один фильм, а множество возможных монтажей, — сказала она. — До тех пор, пока ты не смотришь, существует много вариантов. Когда ты измеряешь — ты выбираешь один вариант, но не потому, что «ты создала его», а потому что ты ограничила возможное.

Мира вмешалась, чтобы отрезать опасную метафору до того, как она уйдёт в эзотерику:

— И важно: даже если есть корреляции «вперёд-назад», они не должны позволять передать управляемое сообщение в прошлое. Потому что тогда возникают парадоксы: «убить дедушку» и прочее. Физика устроена так, что такие парадоксы самоустраниются. Ты можешь видеть смещение статистики, но не можешь послать фразу.

София кивнула.

— Тогда что именно вы видите? — спросила она.

Ася ответила медленно, выбирая слова так, будто они бы-

ли стеклом:

— Мы видим, что когда выбор параметров скрыт, результат ведёт себя так, будто распределение вероятностей «слегка наклонено» в сторону согласованности. Не так, чтобы мы могли получить “букву” или “слово” из прошлого. А так, чтобы редкие совпадения становились чуть менее редкими, когда это нужно.

Надим добавил:

— Это как если бы ты не могла написать письмо себе вчера, но могла сделать так, что вчера тебе «случайно» попалась нужная книга на полке, открытая на нужной странице. Ты не управляешь буквами. Ты управляешь вероятностью встречи.

София помолчала и тихо сказала:

— То есть это идеальная манипуляция. Потому что её нельзя доказать в отдельном случае.

Мира кивнула:

— В отдельном случае — нет. Только статистикой. Только процедурой. Только протоколом, который делает вмешательство дорогим.

Ася посмотрела на журнал. На строки, написанные её рукой без её памяти.

— И это делает ещё одну вещь, — сказала она. — Это делает память человека слабым местом. Потому что если ты не можешь доказать событие, ты опираешься на то, что помнишь. А память... — она взглянула на Софию, — ...может быть переписана сама собой.

София не улыбнулась.

— Да, — сказала она. — Это самое страшное: когда мозг начинает защищать картину мира, а не истину.

«След» в синхронизации

На рассвете они сделали то, что обычно делают только после публикации: попытались воспроизвести картину вмешательства как инженерную задачу.

Мира подняла архив логов синхронизации за последние две недели. Не тот кусок, что был на их автономной системе — он был чист. А старый, до изоляции, когда патчи приходили.

— Здесь есть сигнатуры, — сказала она.

— Сигнатуры чего? — спросил Надим.

— Не «чего», а «как», — поправила Мира. — У обновлений есть стиль. Ритм. То, как они применяются, какие параметры трогают, какой порядок. Это как почерк.

Ася наклонилась к экрану.

— Ты хочешь сказать, что можно узнать автора? — спросила она.

— Я хочу сказать, что можно узнать класс системы, — ответила Мира. — Смотри.

Она увеличила фрагмент: строка «time sync patch applied» повторялась с периодичностью, но не регулярной, а адаптивной — чаще в моменты, когда они проводили измерения, реже в простое. Это было похоже на то, как организм повышает частоту дыхания при нагрузке.

— Это не автоматическое обновление, — сказала Мира. — Автоматика тупее. Это — реакция.

Надим почувствовал, как у него в груди поднимается злость, и на секунду даже обрадовался злости: злость проще

страха.

— То есть за нами следят, — сказал он.

— За прибором, — уточнила Ася. — И за тем, что он может показать.

София, стоявшая у двери, произнесла:

— Если это реакция, значит, у них есть цель. И если у них есть цель, значит, есть и система принятия решений. Люди. Организация.

Мира кивнула.

— И ещё, — сказала она. — Смотри на адрес источника.

Она показала поле, которое раньше казалось технической деталью. В нём был идентификатор сервера времени — длинная строка, где угадывался домен.

Ася прочитала его дважды, потому что мозг не хотел принимать простое.

В конце строки было слово: orpheus.

Надим медленно опустил руку, которой держался за спинку стула.

— Это... — начал он.

— Да, — сказала Мира. — Это тот же «Orpheus», который вчера присылал вам предложение о сотрудничестве? У них есть инфраструктура времени. Или доступ к ней. Или хотя бы след, который они не сочли нужным скрыть.

Ася почувствовала, как внутри что-то становится ясным и холодным. Как бывает, когда ты наконец видишь форму врага — не обязательно врага, но силы.

— Тогда они уже здесь, — сказала она. — Они не стучатся. Они уже внутри.

Мира свернула лог и, почти механически, начала писать список задач:

— Нам нужна независимая синхронизация. Независимые источники случайности. Независимые свидетели. И переносимый эксперимент, который можно повторить в других местах, — сказала она. — Иначе они будут давить на одну точку.

Надим посмотрел на Асю.

— Публикуем? — спросил он. — Сейчас? Пока они не закрыли нам рот?

Ася открыла рот, чтобы сказать «да», и остановилась. Публикация в такой ситуации была не только научным актом. Это было политическим актом.

— Если мы публикуем без защиты, — сказала она, — они скажут: «псевдонаука», «ошибка», «угроза безопасности». И у них будет инфраструктура, чтобы подкрутить статистику вокруг нас так, чтобы мир поверил им.

— А если мы не публикуем, — сказал Надим, — они продолжают работать в тени.

София тихо сказала:

— Вы ведёте разговор, как люди, которые нашли яд. Если кричать — паника. Если молчать — яд останется.

Мира подняла голову.

— Поэтому — протокол, — сказала она. — Мы публикуем не «сенсацию», а минимальный переносимый набор: опи-

сание эффекта, условия слепоты, и самое главное — доказуемые якоря. Чтобы любой мог повторить так, что вмешательство станет видимым. Это не статья. Это инструкция по непокорности.

Ася посмотрела на неё.

— И ты думаешь, мир захочет повторить? — спросила она.

— Мир захочет контролировать, — ответила Мира. — Но некоторые люди захотят понять. Нам достаточно некоторых.

Надим уже листал на планшете список знакомых лабораторий — климатические центры, университеты, частные исследовательские группы.

— У меня есть люди в трёх местах, — сказал он. — Два университета и один центр моделирования. Они не любят «Orpheus». У них свои причины.

Ася подняла бровь:

— «Не любят» — это не защита.

— Но это мотивация, — ответил Надим.

София посмотрела на Асю.

— А ты? — спросила она. — Что ты чувствуешь?

Ася не любила слово «чувствую» в лаборатории. Оно было слишком мягким, слишком многозначным. Но София имела право.

Ася ответила честно:

— Я чувствую, что мы сдвинули занавес. И увидели, что сцена уже занята.

Первый прямой контакт

Около девяти утра, когда солнце уже делало прямоугольник на полу слишком ярким, на общий экран лаборатории пришло письмо. Оно не было «взломом» — оно пришло через официальный канал, который они ещё не успели отключить. Простое сообщение, без угроз, без эмоций.

Тема: Встреча по вопросу совместного использования протоколов синхронизации и квантовых измерений

От: Orpheus Consortium / Office of Scientific Liaison

Текст:

Уважаемая А. Климова.

Мы ознакомились с признаками аномалий в ваших измерениях, потенциально связанных с некорректной внешней синхронизацией времени. Мы готовы предоставить вам защищённый контур синхронизации и вычислительные ресурсы для корректной верификации.

Предлагаем встречу сегодня в 14:00.

Просьба подтвердить.

Надим прочитал вслух и посмотрел на остальных так, будто проверял, одинаково ли у них бьются сердца.

Мира сказала:

— Они сформулировали это так, будто спасают вас от чужого вмешательства. Красиво.

Ася почувствовала, как внутри поднимается глухое раздражение.

— «Потенциально связанных с некорректной внешней

синхронизацией», — повторила она. — То есть они уже заранее определили рамку: проблема — в синхронизации, решение — у них. Это ловушка.

София спросила:

— Ты пойдёшь?

Ася не ответила сразу. Встреча могла быть шансом понять масштаб. А могла быть попыткой поставить их под контроль.

Мира сказала то, что Ася сама боялась произнести:

— Если они уже патчат ваше время, встреча — это не вопрос «пойти или нет». Это вопрос: как сделать так, чтобы после встречи у вас осталось право на собственный протокол.

Надим добавил:

— И чтобы они не забрали у нас историю происходящего.

София подняла свой блокнот.

— У вас будет история, — сказала она. — Если вы будете фиксировать её как след, а не как память. Я могу помочь.

Ася посмотрела на письмо ещё раз и вдруг увидела в нём не текст, а ритм. Он был тем же, что у патчей: ровный, спокойный, уверенный в праве.

— Мы ответим, — сказала она. — Но не так, как они ждут.

Мира кивнула:

— Мы подтвердим встречу. И параллельно начнём рассылку минимального протокола «Люкс-память» тем трём лабораториям Надима. С якорями. С хешами. С инструкциями.

— Прямо сейчас? — спросил Надим.

— Прямо сейчас, — сказала Мира. — Потому что после 14:00 у нас может не быть сети, может не быть доступа, может не быть оборудования. И мы не будем знать, почему.

Ася посмотрела на оптический стол. На зеркала. На детекторы. На лазер, который казался таким невинным инструментом — просто свет.

Она вспомнила, зачем пришла в физику: чтобы мир был понятен.

И поняла: понятность — это не подарок. Это то, что приходится отвоёвывать у тех, кто хочет, чтобы мир был понятен только им.

— Делай рассылку, — сказала она Мире. — Надим — подготовь адресатов. София — останься ещё на пару часов. Мне нужен свидетель, который не устал так, как мы.

София кивнула без колебаний.

Последний тест перед тем, как всё станет не только наукой. Пока Мира готовила пакет данных, Ася решила сделать ещё одну вещь — почти упрямую, почти суеверную. Она хотела убедиться, что эффект действительно связан с временем так, как подсказывала новая строка.

Она запустила короткий эксперимент, но с трюком: намеренно «плохая» синхронизация.

Она взяла их автономный рубидиевый стандарт и внесла в программу искусственную задержку — небольшую, систематическую, контролируруемую. Такую, которая сдвигала окно совпадений на доли микросекунды. Для неспециалиста это ничто. Для фотонов — иногда граница между «связано» и «не связано».

— Что ты делаешь? — спросил Надим.

— Я делаю миру предложение, — сказала Ася. — Если время — ключ, то пусть ключ станет видимым.

Она запустила серию. Внесла задержку. Затем убрала. Затем внесла другую.

И увидела: «аномалия согласованности» реагирует не на сами углы и не на лазер, а на то, как их система «режет» поток событий на пары.

Это было не доказательство всей картины. Но это была опора: физическая точка, где можно давить.

Ася остановила серию и выключила лазер.

— Теперь я уверена, — сказала она.

— В чём? — спросила София.

Ася посмотрела на неё.

— В том, что если кто-то управляет вероятностями, — сказала она, — он делает это не магией. Он делает это инженерией. Через то, что считается «служебным». Через часы.

Мира подняла голову от ноутбука:

— Пакет готов. Три адресата. Хеши опубликованы. Копии на офлайн-носителях.

Надим выдохнул:

— Значит, даже если нас завтра сотрут, след останется.

— Не «если», — тихо сказала Мира. — «Когда попробуют».

София закрыла блокнот.

— Вы произносите это слишком спокойно, — сказала она.

Ася ответила:

— Потому что теперь у нас есть работа.

Конец главы: решение, которое нельзя отменить тихо

Они отправили письма. Не в журналы. Не в прессу. В три лаборатории, где работали люди, способные повторить, не смеясь и не дрожа.

Когда последнее подтверждение доставки появилось на экране, Ася ощутила странное чувство: как будто часть груза сдвинулась с груди — но не исчезла, а перешла в другое место, стала внешней.

Теперь это был не их личный кошмар. Это стало объектом, который можно сравнить, повторить, увидеть.

Но вместе с облегчением пришло другое: понимание, что они только что сделали шаг, после которого «Orpheus» перестанет играть в вежливость.

Ася снова открыла журнал и медленно набрала строку, не оставляя места для двусмысленности:

«Протокол “Люкс-память” запущен. Якоря созданы. Минимальный пакет разослан. След зафиксирован.»

Она сохранила. Затем — как делала в детстве с секретами — записала то же самое на бумаге, подписала и положила в металлический ящик. Не потому что бумага магическая. Потому что бумага неудобна для переписывания.

София посмотрела на это и сказала:

— Это похоже на то, как люди ведут дневник во время

войны.

Мира подняла взгляд:

— Потому что это и есть война. Только не за территорию.

Надим добавил, глядя в окно на бетонную стену и солнечный прямоугольник:

— За распределение вероятностей.

Ася закрыла ящик и повернулась к команде.

— В 14:00 мы идём на встречу, — сказала она. — Но не как просители. И не как учёные, которые нашли странность. Мы идём как люди, которые поняли: нейтральной инфраструктуры не существует.

Она посмотрела на оптический стол в последний раз перед тем, как выключить свет в лаборатории — не лазер, а обычные лампы.

— Свет помнит, — сказала она, и сама удивилась, как спокойно это прозвучало. — Вопрос только: кто пишет эту память.

На этом вопросе закончилась вторая глава их истории — и началась другая, где лаборатория перестаёт быть убежищем.

Потому что если ты нашёл ключ в часах, то следующий шаг всегда один:

найти, чьи это часы.

Глава 3. Дверь для тех, кто не верит в двери

К 13:40 Ася уже знала, что ненавидит 14:00.

Не как время суток — как формат. Часы, в которые люди с властью назначают встречи так, будто сама реальность обязана прийти по календарю. Наука жила иначе: она терпела ночи без сна, недели без результатов, годы без объяснения. Власть требовала дедлайна — и называла это ответственностью.

Они вышли из лаборатории втроём: Ася, Мира и Надим. София осталась внутри — по обоюдному решению. Не потому что её хотели «сберечь», а потому что кому-то нужно было удерживать якорь, если наружный мир попытается сдвинуть их координаты. София заперла металлический ящик с распечатками и лентой регистратора, сфотографировала замок, подписала снимок и положила его рядом с ящиком.

— Если вы вернётесь и замок будет другой, — сказала она, — не спорьте. Не пытайтесь вспомнить. Просто сравните снимки.

Ася кивнула. Это было почти унижительно — жить по инструкциям «как не сойти с ума». Но протокол не был унижением. Протокол был формой достоинства.

Мира несла тонкий кейс с офлайн-носителями и распечатанными хешами. Надим — планшет и свою привычку оглядываться, как будто за ними может идти не человек, а сценарий.

Здание, где назначили встречу, называлось «Центр синхронизации и устойчивости». Название было настолько гладким, что хотелось провести по нему ногтем и услышать, из чего оно сделано.

Внутри было прохладно и чисто. Не медицинская чистота, где есть запах антисептика и человеческой уязвимости, а корпоративная: стекло, бетон, ровный свет, который никогда не падает прямоугольником — он равномерно распределён, как обещание, что здесь нет углов, где можно спрятаться.

Именно здесь Ася впервые ощутила, что их лаборатория, со своей пылью в луче лазера и щелчками детекторов, была живой. А это место — корректным.

И опасным.

Их встретила женщина лет сорока, в сером костюме без логотипов, но с тем, что логотип заменяло: уверенностью в принадлежности. Она улыбнулась ровно настолько, чтобы улыбка была фактом, а не эмоцией.

— Доктор Климова? — спросила она. — Я Эва Линд. Офис научного взаимодействия консорциума Orpheus.

Её русский был почти без акцента. Почти — это важное слово. В «почти» всегда есть выбор.

— Да, — сказала Ася. — Это Мира Танака и Надим Рао.

Эва кивнула им обоим, как равным, хотя уже в кивке было распределение ролей: Климова — главный объект, остальные — приложения.

— Благодарю, что нашли время, — сказала Эва. — Мы ценим скорость реакции, когда речь идёт о потенциальной угрозе инфраструктуре измерений.

Мира чуть наклонила голову.

— Вы называете это угрозой? — спросила она.

Эва не моргнула.

— Мы называем угрозой всё, что может привести к некорректным данным в системах, от которых зависит безопасность людей, — ответила она. — В том числе научные данные. В том числе — ваши.

Это была фраза, построенная как забота. Но внутри у неё была кромка: «ваши данные — часть нашей безопасности». А безопасность у таких организаций всегда означала право вмешиваться.

Их провели через коридор к комнате переговоров. Стекло, но не прозрачная: стекло было матовым, как память о прозрачности. Внутри — стол, три кресла с одной стороны и два с другой. Третье кресло с той стороны стояло чуть в стороне, будто для наблюдателя.

— Пожалуйста, — сказала Эва.

Ася села так, чтобы видеть дверь. Это было не рационально. Это было биологически.

Через минуту вошёл мужчина, высокий, сухой, в очках с тонкой оправой. Он держал папку и выглядел как человек, который всю жизнь доказывал, что мир — это таблица, и теперь таблица согласилась.

— Доктор Мадсен, — представила Эва. — Наш внешний консультант по квантовой метрологии.

«Внешний» прозвучало особенно. Внутренний консультант Orpheus, вероятно, был слишком очевиден. А внешнего можно показать как нейтральность.

— Рад знакомству, — сказал Мадсен. Его голос был мягким, но в мягкости ощущался контроль. — Я ознакомился с предварительными описаниями вашей установки. Интересно.

«Интересно» — слово, которым учёные иногда прикрывают «я не верю, но хочу увидеть, как вы ошиблись».

Ася кивнула.

— Мы тоже хотим увидеть, как мы ошиблись, — сказала она. — Это было бы облегчением.

Эва улыбнулась чуть шире.

— Именно поэтому мы предложили вам защищённый контур синхронизации, — сказала она. — И независимую верификацию.

Мира достала из кейса распечатку с хешами и отметками времени.

— Независимая верификация начинается с независимых якорей, — сказала она и положила лист на стол. — Вот отпечатки наших параметров. Они уже опубликованы и разосланы в три лаборатории.

Эва посмотрела на лист, как смотрят на документ, который может стать проблемой.

— Вы действовали быстро, — сказала она.

— Мы действовали по протоколу, — ответила Мира.

Мадсен наклонился.

— Позвольте вопрос, — сказал он. — Вы действительно предполагаете ретрокаузальные корреляции?

Ася услышала слово «ретрокаузальные» и почувствовала раздражение: слишком тяжёлое слово для людей, которые потом будут делать из него сенсацию.

— Мы предполагаем статистическое смещение, которое

выглядит как корреляция результата с будущим выбором параметров, — сказала она. — Не как канал передачи сообщений. Мы не занимаемся фантастикой.

Мадсен кивнул, будто бы удовлетворён.

— Хорошо, — сказал он. — Тогда давайте смотреть на самую приземлённую часть: время. Вы обнаружили внешние патчи синхронизации с доменом Orpheus. Вы считаете, что это вмешательство.

— Мы считаем, что это факт, — поправила Мира. — Вмешательство — интерпретация.

Эва спокойно сложила руки.

— Факт в том, — сказала она, — что Orpheus обслуживает часть инфраструктуры высокоточного времени в регионе по лицензии. Мы имеем право распространять обновления безопасности для устранения дрейфа и атак на синхронизацию.

— По лицензии чьей? — спросил Надим.

— Международного комитета по устойчивости критических систем, — ответила Эва.

Надим усмехнулся.

— Это комитет, где половина мест финансируется корпорациями, — сказал он. — В том числе вами.

Эва не стала спорить. Она не спорила там, где спор был бесполезен. Это была ещё одна форма власти — выбирать, где разговор имеет смысл.

— Мы можем обсуждать политику, — сказала она. — Но вы пришли сюда с научной проблемой.

Ася наклонилась вперёд.

— Мы пришли сюда, потому что вы прислали письмо, — сказала она. — И потому что в наших логах ваше имя. Объясните простыми словами: ваши обновления могли изменить статистику наших измерений?

Эва чуть повернула голову к Мадсену. Это было едва заметно, но Ася увидела: решение о том, кто отвечает, уже встроено.

— Теоретически, — сказал Мадсен, — любая корректировка синхронизации может повлиять на окно совпадений в квантовом эксперименте. Но это не означает злонамерен-

ность. Это означает, что вы используете инфраструктуру, которая не предназначена для задач на пределе.

— Мы на автономном контуре, — сказала Ася. — Мы отключались.

— Автономность в городе — понятие условное, — мягко ответил Мадсен. — У вас питание от городской сети, окружение, радио-фон. Кроме того, если ваш контроллер использует стандартные протоколы времени, он может принимать корректировки, даже если вы думаете, что он автономен.

Мира холодно посмотрела на него.

— Это звучит как «вы сами виноваты, что мир общий», — сказала она.

— Это звучит как инженерия, — ответил Мадсен. — И да, мир общий. Именно поэтому инфраструктура времени должна быть централизованной и защищённой.

Ася почувствовала, как внутри поднимается знакомое сопротивление. «Централизованной и защищённой» — в переводе на человеческий язык означает: «под нашим контролем».

Эва достала из сумки небольшой металлический модуль — размером с ладонь.

— Это наш контур «Orpheus Time Shield», — сказала она. — Аппаратный эталон времени с тампер-индикаторами. Его невозможно обновить без физического доступа. Он использует независимые источники — оптический стандарт и спутниковую коррекцию, защищённую квантовым распределением ключей.

Надим фыркнул.

— Квантовым распределением ключей? — переспросил он.

Мадсен кивнул:

— Да. Смысл в том, что если кто-то пытается подслушать ключ, это обнаруживается. В идеале — гарантированная безопасность канала.

Ася сказала ровно:

— В идеале. А в реальности?

Мадсен на секунду задержался.

— В реальности — это существенно повышает порог атак,
— ответил он. — Но ничто не идеальное, разумеется.

Мира спросила:

— И вы предлагаете нам подключить нашу установку к
вашему модулю времени?

— Мы предлагаем вам провести повтор эксперимента в
нашем защищённом контуре, — сказала Эва. — Здесь, на
нашей площадке. С нашими эталонами. И с участием неза-
висимого консультанта.

— То есть под вашим контролем, — уточнила Ася.

Эва не отрицала.

— Под совместным контролем, — сказала она. — Мы за-
интересованы в истине так же, как и вы.

Ася почти улыбнулась.

— Нет, — сказала она. — Вы заинтересованы в управля-
емой истине. Это разные вещи.

В комнате стало чуть холоднее — не физически. Социально. В таких местах температура меняется через интонацию.

Эва мягко вздохнула.

— Доктор Климова, — сказала она. — Давайте откровенно. Если действительно существует эффект, который влияет на статистику измерений в зависимости от будущего выбора параметров... — она произнесла это осторожно, будто язык мог порезаться, — ...то это не может оставаться в руках небольшой лаборатории без регулирования.

— А почему вы говорите так, будто это уже существует? — спросила Мира.

Эва посмотрела прямо.

— Потому что мы видим аномалии в инфраструктуре времени не только у вас, — сказала она. — И потому что слишком много систем в мире сейчас зависят от точного времени. Финансы. Транспорт. Энергетика. Если там кто-то «подтачивает вероятность» через время, это становится вопросом безопасности.

Надим наклонился вперёд.

— Вы сказали «кто-то», — заметил он. — Но в наших логах — вы.

Эва выдержала паузу, которая могла быть случайной, но была выверенной.

— Orpheus — не единственный игрок, — сказала она. — И именно поэтому вам нужна защита.

Ася услышала это как угрозу, завёрнутую в заботу: «Снаружи опасно, оставайтесь внутри наших стен».

Мадсен открыл папку и вытащил несколько листов.

— Я предлагаю прямо сейчас сделать маленький тест, — сказал он. — Не ваш полный эксперимент. А диагностический. Мы подключим ваш контроллер к нашему эталону времени и посмотрим, как изменится распределение ваших метрик. Если аномалия исчезнет — это проблема синхронизации. Если останется — тогда это действительно интереснее.

Ася посмотрела на Миру. Та едва заметно кивнула: тест — это не контракт. Тест можно принять как возможность увидеть поведение системы.

— Где? — спросила Ася.

Эва улыбнулась.

— Здесь же, — сказала она. — У нас есть лабораторный стенд. Вы будете присутствовать. Ваши данные — ваши. Мы только обеспечим контур времени.

«Ваши данные — ваши» прозвучало красиво, но Мира уже знала, что права на данные определяются не словами, а соглашениями и инфраструктурой хранения.

— Хорошо, — сказала Ася. — Но условия будут наши.

— Разумеется, — сказала Эва так, будто это ничего не стоило. — Что вам нужно?

Мира заговорила, и её голос стал тем самым «голосом протокола», в котором нет агрессии, но есть железо.

— Во-первых, мы используем наш слепой протокол. Во-вторых, хеши параметров публикуются заранее, как обычно. В-третьих, лог времени пишется параллельно на наш независимый носитель. В-четвёртых, никто, кроме нас, не имеет доступа к параметрам до конца серии. И в-пятых: вы не копируете наши данные без нашего согласия.

Эва слушала, не перебивая. Когда Мира закончила, она кивнула:

— Принято.

Слишком легко, подумала Ася. Слишком быстро. Как будто эти условия уже были рассчитаны.

Стенд Orpheus находился этажом ниже, в помещении без окон, где стены были обшиты панелями с маркировками, не предназначенными для чужих глаз. Там пахло новым металлом и холодом кондиционера, который держал идеальную температуру, как будто в идеальной температуре меньше вопросов.

Они подключили свой контроллер к эталону времени Orpheus через модуль, который Эва принесла. Мадсен проверил соединения, сказал пару слов технику — тот исчез бесшумно, как часть системы.

Ася заметила: в их лаборатории люди оставались людьми. Здесь люди были функциями.

Мира запустила генерацию слепых параметров — на своём устройстве, не на их компьютерах. Опубликовала хеш через заранее подготовленный независимый канал. Она делала

всё медленно и демонстративно, словно каждый жест должен был стать доказательством в будущем споре.

— Готово, — сказала она.

Ася включила лазер. Установка была компактнее их основной — переносимая, «минимальная». Они специально сделали её так, чтобы её можно было собрать в другом месте и повторить эффект без половины инфраструктуры. Это была их страховка: если реальность начинает зависеть от контекста, меняй контекст.

Щелчки детекторов пошли.

Сначала всё было ровно.

Мадсен стоял рядом, смотрел на графики без выражения. Он не показывал ни скуки, ни интереса. Это было профессионально — и бесчеловечно.

Прошло пятнадцать минут.

— Ничего, — сказал Мадсен. — Аномалия...

— Рано, — оборвала Ася.

— Разумеется, — сказал он.

Прошло ещё десять.

На экране появилась та самая метрика согласованности. Она дрогнула, выросла — и снова упала.

Ася почувствовала, как внутри у неё сжалось: не от страха, а от того, что мир выбирает, как ей выглядеть перед этим человеком.

Метрика снова выросла — но не так, как раньше. Не «умно». Скорее, как обычный шум, который иногда кажется закономерностью.

Мадсен поднял бровь:

— Похоже, ваш эффект связан с некорректным временем, — сказал он.

Мира не ответила. Она смотрела на логи времени — параллельный поток данных.

Ася сказала:

— Сколько вы видели подобных систем? — спросила она.

— Много, — ответил Мадсен.

— И вы уверены, что этот стенд не имеет других фильтров? — спросила она. — Например, по отбраковке событий?

— У нас стандартная обработка совпадений, — сказал Мадсен. — Ничего экзотического.

Ася кивнула.

— Тогда сделаем простую вещь, — сказала она. — Внесём искусственный сдвиг окна совпадений. Контролируемый. Я хочу увидеть, как поведёт себя метрика.

Мадсен посмотрел на Эву. Эва кивнула.

— Пожалуйста, — сказала она.

Ася внесла сдвиг — небольшой, но достаточный. Метрика на секунду поднялась. Потом упала.

Сдвиг обратно — метрика снова поднялась, но в другом месте.

— Видите? — сказала Ася. — Ваша система тоже чувствительна к окну.

— Естественно, — сказал Мадсен. — Это физика.

— А теперь вопрос, — сказала Ася. — Кто контролирует, какое окно считается «правильным»?

Мадсен посмотрел на неё так, как смотрят на человека, который задаёт вопрос не туда.

— Правильное — то, что соответствует стандарту, — сказал он.

Ася улыбнулась краем губ.

— Стандарт — это договор, — сказала она. — А договор — это политика.

Эва вмешалась:

— Доктор Климова, мы не отрицаем политический аспект. Но у нас есть задача: уменьшить риск. Если эффект исчезает под защищённым временем — значит, вам безопаснее работать внутри защищённого контура.

Мира наконец подняла глаза:

— Мы ещё не вскрыли параметры, — сказала она. — Сейчас вы видите только «кажется». Я вижу только «кажется». Мы вскроем — и посмотрим статистику, не впечатление.

Это был её стиль: не позволять людям жить в промежутке между графиком и интерпретацией.

Серия закончилась. Они вскрыли параметры по схеме разделения секрета.

Результат был странным: сильной «умной» корреляции действительно не было. Но была другая вещь — едва заметная, но неприятная: распределение ошибок выглядело слишком чистым, будто система сглаживала то, что должно было быть шероховатым.

Мира нахмурилась.

— У вас фильтр, — сказала она тихо.

Мадсен покачал головой:

— У нас защита от шумовых атак, — поправил он. — Сглаживание дрейфа и выбросов.

— Это и есть фильтр, — сказала Мира. — Вы называете его защитой. Я называю — вмешательством.

Эва улыбнулась.

— Мы называем это ответственностью, — сказала она.

Ася почувствовала, что они зашли в место, где слова перестают быть инструментами понимания и становятся инструментами оправдания.

Она посмотрела на стенд Orpheus. Он работал красиво. Чисто. Как мир, где любая аномалия автоматически «лечится» алгоритмом. Такой мир удобен для инфраструктуры. Но опасен для науки: он убирает не только шум, но и неожиданность.

Именно там, в неожиданности, иногда живёт открытие.

— Спасибо, — сказала Ася. — Тест показал одно: ваша система умеет делать статистику красивой.

Мадсен поднял бровь.

— Красивая статистика — это хорошая статистика, —

сказал он.

— Нет, — сказала Ася. — Хорошая статистика — это честная статистика.

Эва мягко хлопнула ладонью по столу, как будто ставила точку.

— Давайте перейдём к следующему, — сказала она. — Мы предлагаем вам сотрудничество. Формальное. С защитой, ресурсами и доступом к нашим эталонам времени.

— И с контролем, — добавила Мира.

— И с ответственностью, — повторила Эва.

Их вернули в комнату переговоров наверху. На столе уже лежала папка — тонкая, но тяжёлая по смыслу. Такой папкой можно было закрыть рот.

Эва открыла её так, будто показывала не документ, а путь к спасению.

— Это соглашение о совместной исследовательской программе, — сказала она. — Вы сохраняете авторство, получаете финансирование и защищённый контур для эксперимен-

тов. Взамен — соблюдение режима безопасности и согласование публикаций, чтобы избежать паники и злоупотреблений.

Надим сухо спросил:

— Согласование публикаций — это цензура?

Эва посмотрела на него ровно.

— Это управление рисками, — сказала она. — Вы же занимаетесь климатом. Вы знаете, что иногда информация без контекста разрушает больше, чем молчание.

Надим побледнел: его боль использовали против него.

— Контекст — не то же самое, что разрешение, — сказал он.

Эва не ответила ему напрямую. Она повернулась к Асе — всегда к Асе. Потому что это был разговор не с командой. Это был разговор с ключом.

— Доктор Климова, — сказала Эва, — вы понимаете, что ваш эффект, если он реальный, может быть использован для манипуляции рынками, выборами, конфликтами?

— Я понимаю, — сказала Ася. — Именно поэтому мы сделали протокол открытым. Чтобы это не было в руках одной организации.

— Открытым? — Эва чуть наклонила голову. — Вы уже разослали пакет трём лабораториям. Это не открыто. Это разбрасывание искр.

Мира вмешалась:

— «Открыто» — это процесс. Мы начали его.

Эва подняла ладонь, словно успокаивая.

— Послушайте, — сказала она мягче. — Orpheus не враг науки. Мы финансируем десятки программ. Мы создаём инфраструктуру, которую никто другой не может создать. Мы не хотим забрать ваше открытие. Мы хотим сделать так, чтобы оно не убило людей.

Ася услышала знакомую структуру: «мы вас спасаем от последствий того, что вы сделали». Так говорят не только корпорации. Так говорят иногда родители, иногда государства. Так говорят все, кто считает, что безопасность важнее свободы.

— А если ваша «безопасность» — это контроль? — спросила Ася.

Эва вздохнула, будто ей было жаль, что приходится объяснять очевидное.

— Контроль неизбежен, — сказала она. — Любая технология, которая влияет на вероятности, должна быть контролируема. Вопрос не в том, будет контроль или нет. Вопрос: будет ли он ответственным.

Мира тихо сказала:

— Ответственным перед кем?

Эва выдержала паузу.

— Перед человечеством, — сказала она.

Это звучало красиво. И пусто. «Человечество» не подписывает договоры и не несёт ответственность. Ответственность всегда несут конкретные люди. А конкретные люди любят власть.

Ася посмотрела на папку.

— Что вы хотите конкретно? — спросила она.

Эва заговорила так, будто читала список покупок:

— Первое: перенос вашей установки на нашу площадку для дальнейшей верификации. Второе: временный режим секретности до стабилизации результатов. Третье: включение вас в программу инфраструктуры времени, где вы будете работать на защищённых стандартах. Четвёртое: согласование публикаций.

— А пятое? — спросила Мира.

Эва слегка улыбнулась:

— Пятое: вы получите защиту.

Надим резко спросил:

— Защиту от кого?

Эва посмотрела на него долгим взглядом.

— От тех, кто уже пытается вмешиваться, — сказала она.

Ася почувствовала, как внутри что-то щёлкнуло. Это могло быть правдой. И именно поэтому было опасно: правда иногда лучший инструмент манипуляции.

— Вы знаете, кто «те»? — спросила она.

Эва не ответила сразу. Затем сказала:

— Мы знаем, что интерес к вашим данным проявляют разные структуры. Государственные. Частные. Академические. Некоторые из них не будут столь деликатны, как мы.

Деликатны.

Ася почти засмеялась, но не сделала этого. Власть не любит смех. Власть любит благодарность.

— Мы не будем подписывать ничего сегодня, — сказала Ася.

Мадсен поднял брови.

— Это разумно, — сказал он тоном человека, который уверен, что разумное решение всё равно приведёт туда, куда нужно ему.

Эва кивнула.

— Конечно, — сказала она. — Мы не торопим. Мы предлагаем. Но время... — она сделала лёгкий жест рукой, — ... не на вашей стороне.

Слово «время» прозвучало как намёк. Как будто она знала, что это будет больным местом.

Мира подняла взгляд.

— Интересно, что вы так уверенно говорите о времени, — сказала она. — Особенно после наших логов.

Эва улыбнулась:

— Именно поэтому мы здесь. Чтобы ваши логи больше не были источником тревоги.

Ася почувствовала, что разговор начинает ходить кругами, как планета вокруг звезды: красиво, но предсказуемо. И именно в предсказуемости — ловушка.

— Мы возьмём папку на изучение, — сказала Ася. — И вернёмся с ответом.

Эва подвинула папку ближе.

— Разумеется, — сказала она. — И ещё кое-что.

Она достала маленькую карточку — не визитку, скорее токен доступа.

— Это пропуск в наш контур времени на случай, если вы захотите сделать повторный тест, — сказала Эва. — Он работает только с нашим оборудованием. Никаких удалённых функций. Просто возможность прийти и проверить.

Мира взяла карточку, посмотрела на неё так, будто это мог быть нож.

— Спасибо, — сказала она. — Мы проверим.

Эва встала, давая понять: встреча закончена.

— Мы ценим вашу осторожность, — сказала она. — И ваше стремление к протоколу. Это роднит нас больше, чем вы думаете.

Ася не ответила. Её стремление к протоколу было стремлением к свободе. Их стремление к протоколу — к управляемости. Это действительно роднило. Так роднятся хирург и

палац: оба любят точные инструменты.

Выйдя из здания, они почувствовали воздух. Он был тёплым, чуть влажным, обычным. И от этого обычного воздуха Асе захотелось заплакать — не от эмоций, а от физического облегчения, что мир не состоит только из стекла и контроля.

Они молча дошли до маленького кафе на углу. Там было шумно, пахло хлебом и жареным кофе, на столах лежали бумажные салфетки. Бумага снова стала якорем.

Мира разложила папку Orpheus на столе и начала читать, отмечая места тонким карандашом. Она никогда не подчёркивала ручкой: ручка оставляет слишком уверенный след. Карандаш — честнее. Его можно стереть, как можно стереть ошибку, если ты её признал.

Надим нервно помешивал кофе.

Ася смотрела на улицу и думала о Софии, запертой в лаборатории с железным ящиком. Она не могла решить, что страшнее: что ящик окажется вскрыт или что он окажется на месте, но память о нём у них изменится.

— Вот, — сказала Мира наконец.

Она повернула к ним страницу. В пункте, написанном спокойным юридическим языком, было следующее: любые результаты, полученные в защищённом контуре времени Orpheus, автоматически считаются частью совместной программы и подпадают под режим согласования публикаций.

— То есть если мы проверяем у них — мы теряем право говорить, — сказал Надим.

— Не совсем «теряем», — уточнила Мира. — Мы получаем право говорить с их разрешения.

Ася тихо спросила:

— А если мы не проверяем у них?

Мира перевернула лист.

— Тогда они могут заявить, что наши результаты ненадёжны, потому что мы отказались от «защищённого контура», — сказала она. — Это классическая ловушка: ты либоходишь в их систему и становишься зависим, либо остаёшься снаружи и становишься «безответственным».

Надим выдохнул сквозь зубы.

— В любом случае они формируют рамку, — сказал он.

Ася кивнула.

— И ещё, — сказала Мира и постучала по другой строке. — Смотрите: «обязательство уведомлять о любых выявленных аномалиях синхронизации времени». Формально — нормально. По сути — вы обязаны делиться любым сигналом, что ваша работа показывает вмешательство.

— То есть мы становимся их датчиком, — сказал Надим.

Мира кивнула.

Ася почувствовала, как в голове выстраивается простая картина: Orpheus не обязательно должен был быть «злым». Orpheus мог быть рациональным. А рациональная власть — самая опасная, потому что она всегда найдёт аргумент.

— Они не хотят, чтобы мы исчезли, — сказала Ася. — Они хотят, чтобы мы принадлежали.

Надим посмотрел на неё.

— Тогда что делать? — спросил он.

Мира сказала:

— Делать то, что мы уже начали: распределять. Уводить эксперимент из одной точки. Дублировать. И создавать такие якоря, которые не проходят через их время.

Ася подумала о строке «Начни с часов».

— Нам нужны собственные часы, — сказала она.

— И собственная сеть доверия, — добавила Мира.

Надим сжал кружку.

— И быстро, — сказал он. — Потому что их «время не на нашей стороне» — не просто слова. У них есть инструменты делать так, чтобы нас считали ошибкой.

Ася посмотрела на улицу. Люди шли, разговаривали, смеялись, не подозревая, что в мире может существовать технология, которая не запрещает выбор — она делает его маловероятным.

Если это правда, подумала Ася, то свобода — это не философия. Это статистика.

— Возвращаемся, — сказала она и закрыла папку. — И начинаем строить узлы. Сегодня.

Мира кивнула:

— Сегодня.

Надим встал:

— Я позвоню своим лабораториям. Пусть готовятся. Пусть не отвечают на письма Orpheus напрямую. Пусть все коммуникации фиксируют.

Ася уже достала телефон, чтобы написать Софии: «Мы идём». Но экран мигнул — коротко, будто кто-то проверил связь.

В верхней строке появилось уведомление: “Time sync update pending”.

Она застыла.

Мира увидела это, наклонилась.

— У тебя? — спросила она.

— У меня, — сказала Ася.

Надим побледнел:

— Но ты же не в их контуре сейчас.

Ася медленно выключила телефон полностью.

— Это не телефон, — сказала она. — Это мир.

Они пошли быстрее.

Когда они вернулись в лабораторию, София встретила их у двери. В руках у неё был тот самый мгновенный снимок замка.

— Замок тот же, — сказала она. — Ящик не тронут. Лента регистратора на месте. Но...

— Но? — спросила Ася.

София посмотрела ей прямо в глаза.

— Ты не хочешь слышать, — сказала она. — Но я скажу. Пока вас не было, мне позвонили.

Мира мгновенно напряглась.

— Кто? — спросила она.

— «Центр синхронизации и устойчивости», — сказала София. — Они спросили, как вы себя чувствуете. Вежливо. И сказали, что готовы «оказать поддержку», если вы устанете.

Ася почувствовала, как внутри снова поднимается злость — теперь чистая. Они не только управляли временем. Они управляли тем, что люди считают заботой.

— Они уже входят через семью, — сказала Ася.

София кивнула.

— И ещё, — добавила она. — Пока я сидела здесь, у меня было ощущение... — она подбирала слова осторожно, — ...что я должна что-то забыть. Как будто мозг сам хотел стереть последние часы. Я удержала себя записями. Но, Ася, это опасно. Не потому что ты “сходишь с ума”. Потому что если реальность становится статистической, мозг становится её слабым звеном.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.